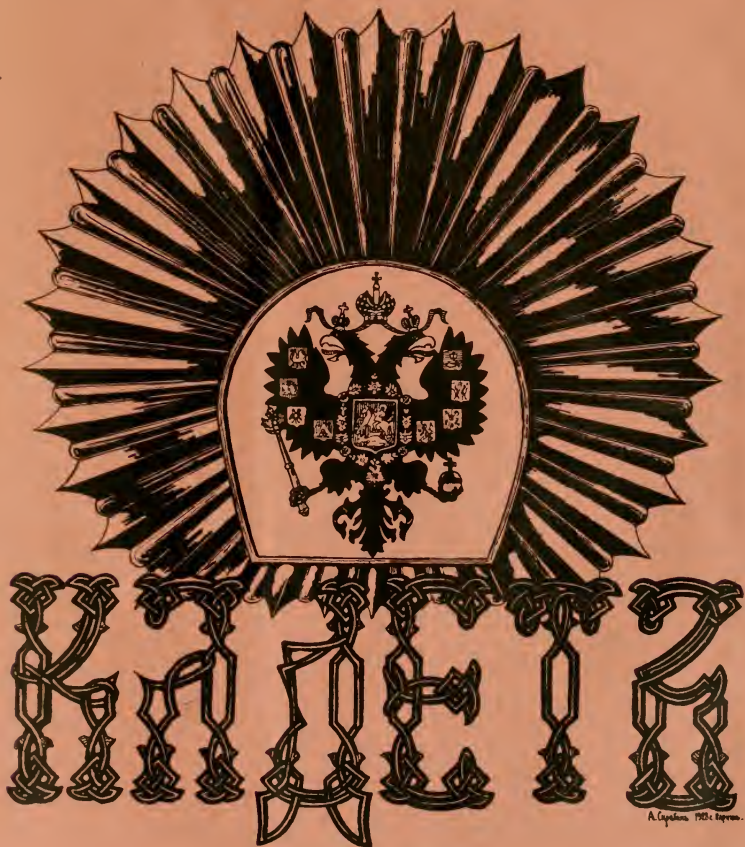

Посвящается 150-ти лѣтнему юбилею
1-го Московскаго Императрицы Екатерины II-ой
Кадетскому Корпусу

„КАДЕТ“

Издание Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ

КАДЕТЪ

ПЕРИОДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СОЮЗА РОССІИСКІХЪ КАДЕТСКИХЪ КОРПУСОВЪ

Адресъ Редакціи: M-r IAROSLAVTZEFF, 19 rue de Nemusat, Paris 16^e. France

№ 3.

НОВАБРЬ 1928 г. - АПРѢЛЬ 1929 г.

Годъ изданія I-ый

Въ Бозѣ почившій ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великій Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

Поздравляю всѣхъ съ РОЖДЕСТВОМЪ ХРИСТОВЫМЪ.

Молю ГОСПОДА, да узримъ Отечество наше свободнымъ и въ немъ — торжество Вѣры и царство мира, любви и порядка.

Душевно тронуть и сердечно благодарю за участіе, ко мнѣ въ болѣзни проявленное.

Поматуйте о РОССІИ! И здѣсь, въ изгнаніи, ей отдайте всѣ Ваши помыслы, не числа трудовъ, силъ и средствъ на дѣло ея спасенія, ибо безпримѣрно тяжки испытанія и наступаютъ рѣшительные сроки.

Народъ РУССКІЙ! Собери Твои силы и со Крестомъ выйди вновь на путь Тебѣ даннаго Великаго и Славнаго Бытія.

НИКОЛАИ.

23 декабря 1928 г.,

3 часа пополудни.

v. Thénard.

† Верховный Главнокомандующій, Его Императорское Высочество
Великій Князь НИКОЛАИ НИКОЛАЕВИЧЪ

Почто - телеграммы:

КОПИЯ.

Ея Императорскому Высочеству
Великой Книгинѣ
Анастасіи Николаевнѣ.

Генералу Субботину.

Сердечно благодарю Кадетъ Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ за выраженныя чувства по случаю горестной кончины въ Бозѣ почившаго моего Супруга.

Анастасія.

Глубоко потрясенный скорбною вѣстью о кончинѣ своего незабвеннаго Ангустѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго и Верховнаго Вождя, Кадеты, Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, всепреданнѣйше просить Ваше Императорское Высочество принять ихъ почтительнѣйшія и глубоко искреннія соболѣзнованія. Да упокоитъ Господь свѣтлую душу Русскаго Витязя въ селеніяхъ праведныхъ и да подастъ Онъ Вамъ силу перенести эту безгранично тяжелую утрату, а намъ Его безграничную любовь и неустанная работа по спасенію страждущей Родины да послужитъ завѣтомъ къ продолженію Его святаго дѣла.

Предсѣдатель Правленія Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ:

Генераль-Лейтенантъ Субботинъ.

5 января 1929.

Антибъ.

Великій Князь Главнокомандующій

Полководчество величайшаго изъ военначальниковъ новѣйшей исторіи — Наполеона, можетъ быть раздѣлено на два періода. 1812 годъ — рубежъ, разграничивающій эти два періода. До 1812 года Наполеонъ — побѣдитель, послѣ — побѣжденный. Очень много военныхъ писателей старались объяснить это тѣмъ, что начиная съ 1812 года Наполеонъ уже не тотъ. Однако, новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что искусство Наполеона послѣ 1812 года не ниже, чѣмъ раньше, а можетъ быть и выше.

Дѣло въ томъ, что до 1812 года за Наполеона работала объективная ходъ исторіи. До 1812 года онъ можетъ быть уподобленъ пловцу, правда очень искусному, но который плыветъ по течению. Послѣ 1812 года ходъ исторіи, подчиненный законамъ прилива и отлива, пошелъ противъ него. И онъ оказался пловцомъ противъ течения. Такому пловцу приходится проявлять гораздо большую степень искусства нежели тому, которому помогаетъ течение — стихія. Напряженность борьбы съ послѣдней, можетъ быть такъ велика, что никакія силы человеческія не приведутъ къ окончательной побѣдѣ.

Только что почившій Великій Князь Николай Николаевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ полководцевъ, судьба которыхъ сложилась особенно трагично. Съ первыхъ же выстрѣловъ войны онъ оказывается въ условияхъ все время складывающихся противъ него.

Богато одаренный и высоко военно-просвѣщенный, онъ, который можетъ быть болѣе чѣмъ кто либо изъ его сверстниковъ, понималъ рѣшающее значение заглаговременной научной подготовки къ войнѣ, вынужденъ принять Верховное Главнокомандованіе на второй день войны не будучи знакомымъ съ составленнымъ въ мирное время планомъ войны. Онъ, который, какъ ученикъ Делера, отлично понималъ все громадное значеніе для побѣ-

ды обладаніе стратегической свободы дѣйствій, оказывался связаннымъ по рукамъ обязательствами передъ Франціей легкомысленно извлеченными на Россію Сухомлиновымъ и его соотрудниками, при этомъ обязательствамъ противорѣчащими въ своемъ существѣ основной мысли Императора Александра III-го, генерала Обручева, подписавшаго въ 1892 году за Россію военную конвенцію съ Франціей, и самого Великаго Князя. Крайне рѣшительный и властный по природѣ, онъ, благодаря насильству введенному за нѣсколько дней до войны новому Положенію о Полковомъ Управленіи Войскъ, оказывается Верховнымъ Главнокомандующимъ съ чрезвычайно урѣзанными возможностями управлять событиями войны. Трудность положенія Великаго Князя Николая Николаевича увеличивалась еще тѣмъ, что полъ его Верховное командованіе поступалъ высшій командный составъ не имъ подобранный. Болѣе того — онъ былъ лишень даже возможности лично подобрать чиновъ своего штаба, то есть ближайшихъ своихъ соотрудниковъ.

Насколько въ этомъ отношеніи было благопріятнѣе положеніе генерала Жоффра. Съ 1911 года состоя въ должности вице-предсѣдателя высшаго военнаго совѣта, онъ не только непосредственно участвовалъ въ разработкѣ плана войны, но также принималъ участіе и въ подборѣ генераловъ на высшія командныя должности и лишь своего штаба. Великій Князь Николай Николаевичъ очутился въ трагической обстановкѣ: онъ долженъ былъ спасать положеніе не имъ созданное, для него во многомъ незнакомое и часто даже противорѣчащее его идеямъ, и творить эту новую свою трудную работу онъ долженъ былъ при помощи соотрудниковъ не имъ выбранныхъ... но повинныхъ въ роковыхъ ошибкахъ плана войны.

Такимъ образомъ въ началѣ войны воля Великаго Князя скована и не можетъ отразиться на нашей первой

операции въ Восточной Пруссіи. Но въ критическіе дни Галицкой битвы она пробивается и приводит Русскую Армію къ побѣдѣ, которая спасаетъ участь кампаніи 1914 года.

Въ кампанію 1915 года на плечи Великаго Князя выпадаетъ тяжелый крестъ: нѣмцы по достоинству оцѣнили своего восточнаго врага; оставивъ противъ Франко-Британскихъ арій заслоны, они навалились вмѣстѣ съ австро-венграми на Россію. Въ Русской же Арміи наступила катастрофа въ артиллерійскомъ снабженіи. Однако, Великій Князь выводитъ истекающую кровью Русскую

Армію изъ «приготовленной для нея нѣмцами ловушки». На этомъ кончилась роль Великаго Князя какъ Верховнаго Главнокомандующаго...

Чѣмъ подробнѣе изучать военную дѣятельность Великаго Князя, тѣмъ крупнѣе вырастаетъ его фигура. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что будущая русская военная наука поставитъ его имя въ ряду наиболее выдающихся Россійскихъ Полководцевъ.

Генералъ Н. Н. Головинъ.

150-лѣтній юбилей 1-го Московскаго Императорнаго Екатеринина II-ой Кадетскаго Корпуса

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Державная основательница 1-го Моск. Кад. Корпуса.

1-й Московскій Императрицы Екатерины II Кадетскій корпусъ былъ основанъ 24 ноября 1778 года извѣстнымъ Екатерининскимъ вельможею, сербомъ по происхожденію, Семеновъ Гавриловичемъ Зоричемъ, въ пожалованномъ ему имѣніи, мѣстечкѣ Шкловъ Могилевской губерніи. При Императорѣ Павлѣ корпусъ былъ принятъ въ вѣдѣніе казны и переведенъ въ Гродно, во дворецъ польскихъ королей, затѣмъ въ Смоленскъ, откуда въ 1812 году былъ эвакуированъ въ Ярославль, а черезъ годъ въ городъ Кострому. Въ 1820 году корпусъ былъ переведенъ въ Москву и при провозѣхъ Кострома благословила его копіей той же чудотворной иконы Θεодорова Б-

гоматери, которую нѣкогда былъ благословенъ на царство 1-й Государь Дома Романовыхъ. Въ Москвѣ корпусу было предоставлено зданіе Лефортовскаго дворца, выстроеннаго при Императрицѣ Екатеринѣ знаменитымъ Гваренчи и обращеннаго Императоромъ Павломъ въ казармы. Дворецъ этотъ былъ воздвигнутъ на мѣстѣ деревяннаго Лефортовскаго дворца — свидѣля многихъ историческихъ событій. Здѣсь нѣкогда проживала княжна Долгорукая, невеста Императора Петра II, дворецъ этотъ былъ любимой Московской резиденціей Императрицы Анны Иоанновны, а въ его храмѣ были присоединены къ православію, какъ престолонаследникъ Петръ Θεодоровичъ, такъ и его невеста принцесса Ангальтъ Цербтская, впоследствии Императрица Екатерина II. Переведенному въ Москву корпусу былъ Высочайше пожалованъ прилежавшій къ Лефортовскому дворцу, раскинувшійся на 17 десятинъ Лефортовскій паркъ разбитый при Императорѣ Петрѣ I, извѣстнымъ докторомъ Бедлоу и изобиловавшій прудами самой причудливой формы, гротами, каскадами, статуями и роскошнѣйшими липовыми аллеями. Въ 1878 году 1-й Московскій Корпусъ праздновалъ свой столѣтній юбилей, причемъ Императоръ Александръ II изволилъ прислать съ бывшимъ питомцемъ корпуса главнымъ начальникомъ Военно-учебныхъ заведеній генералъ адъютантомъ Исаковымъ въ благословеніе корпусу два образа — Спасителя и Богоматери. Въ 1903 году, въ день 125-лѣтія со времени основанія, I-му Московскому кадетскому корпусу Высочайше было повелѣно именоваться I-мъ Московскимъ Императрицы Екатерины II кадетскимъ корпусомъ. 24 ноября 1928 года исполнилось 150 лѣтъ со дня основанія корпуса. Этотъ знаменательный юбилей пребывающіе въ Парижѣ бывшіе питомцы корпуса, изъ которыхъ большинство ведетъ крайне трудовую жизнь, рѣшили отпраздновать въ первый свободный день 25 ноября, въ субботу. Съ этою цѣлью Екатеринбургскіе собрались ко вѣношной въ храмѣ Знаменія Божіей Матери и по окончаніи богослуженія, за которымъ былъ освѣщенъ сооруженный б. кадетами образъ святителя Николая Чудотворца, въ ризу котораго была вложена частица корпуснаго знамени. — Архіепископъ Серафимъ обратился къ присутствовавшимъ въ храмѣ съ назидательнымъ словомъ, въ которомъ, выяснивъ то огромное зна-

чение, которое имѣли для Россіи ея Военно-учебныя заведенія съ niezbлемымъ девизомъ Вѣра, Царь и Родина, признавая всѣхъ бывшихъ кадетъ хранить старыя завѣты до воскресенія великой Россіи. Затѣмъ Владыка съ духовенствомъ храма отслужилъ торжественный благодарственный Господу Богу молебенъ, за которымъ было провозглашено многотіеіе всему Россійскому Царственному дому, Верховному Вождю Великому Князю Николаю Николаевичу, бывшему Августѣйшему знаменщику корпуса Князю Гаврилу Константиновичу, служившему и кадетамъ Россійскихъ кадетскихъ корпусовъ. По окончаніи многотіеіа протоіерейъ провозгласилъ вѣчную память Императрицѣ Екатерины II, и всѣмъ за нею царствовавшимъ Государямъ, всѣмъ Августѣйшимъ Главнымъ начальникамъ Военно-учебныхъ заведеній, болярину воину Симеону, всѣмъ починившимъ служившимъ и кадетамъ Екатеринбургскаго корпуса и всѣмъ русскимъ кадетамъ, за Вѣру, Царя и Отечество житью свой положившимъ. Приложившись ко кресту и ко вновь освещенной иконѣ и поблагодаривъ принесшихъ корпусу поздравленія представителей высшаго Монархическаго Совѣта, собравшіеся Екатерининцы, во главѣ съ председателемъ Екатеринбургскаго объединенія бывшимъ директоромъ корпуса генераломъ-лейтенантомъ Римскимъ-Корсаковымъ и заместителемъ председателя объединенія всѣхъ Россійскихъ корпусовъ генералъ-лейтенантомъ Субботинимъ, направились въ ресторанъ «Перекрѣ Вѣръ», гдѣ уже ждалъ ихъ столь установленный обѣданнымъ яствами. Стѣны кабинета были богато украшены различными эмблемами корпусной жизни — изображениями погонъ, корпусныхъ знаковъ, видоу корпуса и т. д., на столѣ же стояли нарисованныя художниками кадетами меню. Встрѣченные исполненнымъ оркестромъ маршемъ военно-учебныхъ заведеній Екатерининцы заняли мѣста за столомъ. По окончаніи закуски, послѣ поланнаго за обѣдомъ традиціоннаго въ Екатерининъ день жаренаго гуся съ яблоками, ген. лейт. Римскій-Корсаковъ обратился къ присутствующимъ съ привѣтствіемъ, закончивъ его пожеланіемъ, чтобы та крѣпкая, неразрывная связь, которая искони связывала русскаго кадета съ русскимъ Царемъ никогда не прерывалась и чтобы присуще каждому русскому кадету вѣрное своимъ великимъ Государямъ кадетское сердце побѣдно выдерживало всѣ перенесенныя имъ тяжкія испытанія, продолжало бы и впредь свято хранить старыя кадетскія завѣты. Завалина генерала была покрыта исполненнымъ оркестромъ и всѣми присутствующими народнымъ гимномъ и восторженнымъ кадетскимъ ура. Затѣмъ были провозглашены здравицы за Россійскій Царственный домъ, за Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, за старѣйшаго члена Императорской фамилии принца Александра Петровича Ольденбургскаго; генералъ Римскій-Корсаковъ прочиталъ поздравительную телеграмму полученную корпусомъ отъ бывшаго знаменщика корпуса князя Гаврила Константиновича и поднявъ здравицу за Его Высочество, встрѣченую громкимъ ура и пѣніемъ: «Громъ побѣды раздается». Генералъ Римскій-Корсаковъ, напомнилъ Екатерининцамъ, что корпусъ существованіемъ своимъ обязанъ благодарному сербу Зоричу и что, благодаря великодушію сербскаго Короля и братскаго сербскаго народа, три русскихъ кадетскихъ корпуса продолжаютъ сущест-

вовать въ Югославіи, поднять здравицу за Его Величество доблестнаго Короля Александра. Тостъ этотъ былъ покрытъ дружнымъ кадетскимъ ура. Затѣмъ провозглашались тосты за Главнокомандующаго генерала Кутепова, за семью бывшаго Главнокомандующаго генерала Врангеля, за послѣдняго начальника Военно-учебныхъ заведеній генерала Забѣлина, за председателя Высшаго Монархическаго Совѣта А. И. Крупенскаго, за заместителя председателя кадетскаго объединенія ген. Субботина, и за многихъ лицъ и учрежденія, такъ или иначе близкихъ корпусу, или почтившихъ корпусъ своимъ вниманіемъ въ знаменательный день его жизни. Генералъ Ярославцевъ прочиталъ пѣльный рядъ привѣтствій, полученныхъ отъ кадетскихъ объединеній и отдѣльныхъ лицъ: отъ генерала Забѣлина, отъ Николаевскаго корпуса, Петровскаго Подтавскаго, 2-го Московскаго Императора Николая I-го, Орловскаго Бахтина, Александровскаго, Донского, отъ Всероссийскаго объединенія кадетъ въ Парижѣ, отъ объединенія всѣхъ русскихъ Императорскихъ корпусовъ въ Югославіи, отъ русскихъ институтовъ изъ Югославіи, отъ Императорскихъ кадетъ-королетскихъ юнкеровъ изъ Бѣлграда, отъ объединенія б. Екатерининскихъ институтовъ, отъ объединенія бывш. служащихъ Военно-учебныхъ заведеній, отъ б. кадетъ Екатерининцевъ, генералъ лейтенанта Мартынова, полковника Ходнева, Попова, Юрѣева, Фирсова, Федерлаева, Колосовскаго, Нестерова, капитановъ: Бека, Шейна, ротмистровъ: Розенцвальдъ-Паулина и др. Прочтеніе каждаго поздравленія сопровождалось дружнымъ ура, пѣніемъ Екатеринбургскаго гимна — «Громъ побѣды раздается», пѣсней: «Дружнымъ, кадеты...». Генералъ Субботинъ провозгласилъ здравицу за представителей Екатеринбургскаго корпуса и за кадетъ всѣхъ Россійскихъ корпусовъ. Были тосты за созданіе во Франціи заведенія близкаго по духу нашимъ роднымъ корпусамъ и тутъ же была собрана послынная лента на эту благоу пѣль; — за героевъ кадетъ отличившихся въ бояхъ съ вѣншимъ врагомъ и съ большевиками, за кадетъ-организаторовъ кадетскаго объединенія, за устроителей настоящаго ирзаника, за председателя югославянскаго кадетскаго объединенія полковника Гасфорда и его секретря полковника Приходкина и др. Громкое ура сопровождало неоднократныя здравицы за генерала Римскаго-Корсакова, пробывшимъ въ корпусѣ болѣе 14 лѣтъ и бывшимъ директоромъ огромнаго большинства присутствующихъ на праздникѣ. Сидя въ ресторанѣ, владыкѣецъ котораго является бывший же Екатеринбургскій капитанъ Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полка Траскинъ, дружески и оживленно бесѣдуя, Екатерининцы, за вселымъ товарищескимъ разговоромъ, за дружной кадетскоу пѣсней, совершенно отрѣшились отъ печальной дѣйствительности и мысленно перенесли въ бѣлокаменную Магущку-Москву, въ дальнее Лефортово, въ родное гнѣздо. Далеко за полночь затянута товарищеская трапеза, свѣтлое и задушевное воспоминаніе оставилъ юбилейный праздникъ въ сердцѣ каждаго Екатерининца. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Пройдетъ лихолѣтіе и соберутся, когда вибудъ Екатеринбургскіе кадеты въ стѣнахъ роднаго Екатеринбургскаго корпуса. Снова заргнетъ царская здравица, снова разлетѣя «Громъ побѣды раздается».

Родной край

24-го ноября с. г. (по правосл. ст.), в день Св. Великомученицы Екатерины, исполнилась 150-ти лѣтняя годовщина со дня основанія одного изъ старѣйшихъ Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ — 1-го Московскаго Императрицы Екатерины II-ой.

Основанный извѣстнымъ генер. Зоричемъ въ 1778-мъ году, — въ «славный вѣкъ Екатерины», въ эпоху блистательныхъ побѣдъ Генералиссимуса Князя Италійскаго —

СЕМЕНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ графъ ЗОРИЧЪ.

Основатель 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса.

Графа Суворова-Рыминскаго, Генеръ-Фельдмаршаловъ Графа Румянцева-Задунайскаго и Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина-Таврическаго, — нашъ Екатерининскій Корпусъ, рожденный въ такое исключительное время, за долгие годы своего существованія, далъ не мало выдающихся Русскихъ людей и великое множество защитниковъ Вѣры, Царя и Отечества, жизнь свою положившихъ, памятуя этотъ, искони старый Русскій заветъ...

Много Екатерининцевъ честно и доблестно служили почти во всѣхъ, безъ исключенія, частяхъ Россійской Императорской Арміи.

Пустъ нынѣ, въ дорогой сердцу каждаго Екатерининца — Москвѣ, крѣпкимъ спомъ опитъ нашъ родной Корпусъ, превращенный изувѣрами Ш-го интернационала — въ «Высшую Тактическо-Стрѣлковую Школу «Выстрѣлъ»... Пусть спитъ!... Мы знаемъ, — ибо крѣпко въ это вѣримъ, — что прилетѣть немъ, когда снова, въ воскресней Россіи, возродится нашъ родной Корпусъ и снова въ немъ будутъ воспитываться будущіе воины Русскіе, по

старому Екатерининскому-кадетскому завету: «Бойся Бога, чти Царя, люби братію, уважай власти».

...Въ историческомъ Дефортовѣ, отдѣленномъ отъ города мутной рѣчкойою Яузой, впадающей въ Москву-рѣчку, фронтомъ на Анненгофскую рошу, — за одну ночь насаженную великимъ Царицы, — высился великолѣпной архитектуры, старинный Дворецъ съ чудесной колоннадой.

Въ немъ помѣщался Екатерининскій Корпусъ.

...Москвичи, вѣрно, не забыли еще этихъ кадетъ, въ алыхъ погонахъ, съ синимъ кантомъ и трафаретомъ: «І. М.», замѣненнымъ въ 1903 году, — въ 125-ти лѣтнюю годовщину Корпуса, вензелемъ Матушки-Царицы Екатерины Великой...

Поднявшись по широкимъ ступенямъ каменной лѣстницы, въ входили въ роскошный вестиболь, гдѣ, по праздникамъ, въ алой съ крыльями ливрѣ, богато расшитой золотомъ и украшенной черными гербами, — важно стоялъ нашъ старый швейцаръ, красавецъ Ростовскій гренадеръ Ивановъ, георгіевскій кавалеръ Турешкой войны.

Двусторонняя лѣстница, съ мѣдными касками на перилахъ, вела въ пріемный залъ, украшенный художественно-исполненными во весь ростъ портретами Императрицы Екатерины II и послѣдующихъ Императоровъ.

Когда, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, производился ремонтъ зданія, въ одной изъ стѣнъ этой пріемной были обнаружены, замурованными, два скелета. Такъ рассказывали въ мое время. Мы, будучи кадетами младшихъ классовъ, по вечерамъ боялись проходить черезъ эти, тускло тогда освѣщаемыя, комнаты, т. к. передавались слухи, что тамъ появляются привидѣнія и даже коекто, будто бы видѣлъ «самую Матушку-Царицу»...

На стѣнахъ — бѣлыя мраморныя доски съ золотыми буквами — надписями, свидѣтельствовавшія о частыхъ посѣщеніяхъ Корпуса Державными Вождями.

Въ пріемные часы здѣсь было оживленно и шумно: пріѣзжали родители, родственники и близкіе кадетъ; слышались тогда веселые голоса, шепетанье малышей — первокурсниковъ.

Рядомъ съ пріемными — была бібліотека.

Огромные многочисленные шкафы были полны книгъ. Здѣсь было неисчерпаемое богатство; попадались экземпляры исключительной цѣнности по своей старинѣ и рѣдкости. Все это бережно и любовно хранилось, пополнялось. Увы, — три года т. н. промелькнуло во многихъ газетахъ (см. наприм. «Вечернее Время», № 259), извѣстіе о варварскомъ разграбленіи этой рѣтчайшей бібліотеки, проданной....., какъ макулатура, бумажной-фабрикѣ «ЖИР-КОСТЬ»... Это варварское отношеніе къ культурнымъ сокровищамъ былой Россіи, — явленіе столь частое въ СССР, — учинено упомянутой уже мною «Высшей Тактическо-Стрѣлковой Школой».

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ положено начало богатому музею, въ которомъ были собраны различныя историческіе документы и предметы старины, имѣющіе отношеніе къ Корпусу, работы выдающихся Русскихъ людей, — воспитанниковъ Корпуса, какъ напримѣръ карандашные рисунки казета Павла Белотова, будущаго знаменитаго художника 40-хъ годовъ — этого «Гоголя Русской Живописи».

Прямо изъ пріемныхъ — громадная столовая съ дву-

рядной колоннадой; в ней одновременно обѣдало до 400 кадетъ! Кормили насъ — отменно. Однокашники мои помнятъ, вѣрно, и до сихъ поръ наши знаменитые жареные пироги «съ подливой» и песочная пирожная. Тяжелое старинное серебро, — ложки, имѣли за собою болѣе полу-сотни лѣтъ.

Особой извѣстностью по всей Москвѣ пользовался нашъ «Тронный залъ», — самый большой залъ во всей Первопрестольной, не исключая и Московскаго Дворянскаго Собранія. Онъ былъ — квадратный, въ два свѣта, съ лѣпными, по стѣнамъ, изображеніями гербовъ губерній и уѣздовъ. Громадные портреты Царей и Царницъ, а внизу — пирамиды старинныхъ кремневыхъ ружей, уменьшеннаго образа, подарокъ кадетамъ Императора Александра Благословеннаго.

Въ будни, въ часы физическихъ упражненій, въ Тронномъ залѣ можно было одновременно видѣть кадетъ строевой роты Подполковника А. А. Скрабина, въ бушлатахъ, съ ружьями, занимавшихся «фронтономъ», подъ командой полковника Рымвиль-Мицкевича или капитана Потуровскаго малышей — въ бѣлыхъ рубашкахъ и тапкахъ-же бѣлыхъ панталонахъ, продѣлывавшихъ, подъ руководствомъ старика Яковенко, гимнастическія упражненія, лихо прыгавшихъ черезъ «кобылу»; тамъ же, подъ наблюденіемъ капитановъ Вильке и Хартулари фехтовались на рапирахъ, въ проволочныхъ маскахъ и ватныхъ нагрудникахъ, многіе пары. Вѣсьмъ хватало мѣста, никто другъ-другу не мѣшалъ!

Ротныя помѣщенія: залы, дортуары, классы и т. д. — все это было образцомъ совершенства: просторно, свѣтло и уютно.

Вспоминается огромный дортуаръ 2-й роты: послѣдній широкий проходъ, а за колоннами, стоятъ кровати: пять 130 кадетъ! У каждой кровати — столикъ. Въ ногахъ — табуретка: на ночь аккуратно складывались бѣлье и одежда, Ведръ — полный порядкомъ.

...Ночь. Полуумракъ. Мягко свѣтятъ ночные фонари подъ голубыми абажурами. Лампада образа Спасителя просветъ отблескъ на одну изъ комнатъ. За перегородкой покашливаетъ шт. кап. Вороновъ-Вельяминовъ, — дежурный воспитатель. Прикуривъ у входныхъ дверей, клонитъ носомъ старый Вейсъ, — дневальный дядька. А рядомъ, въ ротномъ залѣ, при свѣтѣ маленькой керосиновой лампы, у стола съ наваленной одеждой, торопливо работаетъ портной Пинчукъ, зашивая прорѣхи на кадетскихъ мундирахъ и пришивая къ брюкамъ оторванные пуговицы....

...Какъ будто-бы это было вчера: передъ глазами мои — нашъ ротный залъ 1-ой, строевой, роты... Вечерняя молитва. Длинныя шеренги кадетъ. Всѣ — въ бломокъ, лишь алмыя пятнами выдѣляются погоны, да черныютъ на рубашкахъ пояса. На флангѣ — бѣлокурый Вася Лаврентьевъ, нашъ строгій фельдфебель; за нимъ — винеунтеръ-офицеръ Миша Ярославцевъ.... «Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавившаяся отъ злыхъ, благодарственная воспомнимъ Тебѣ, раби Твои, Богородице...», поетъ мощный хоръ сотни молодыхъ голосовъ... Тихо мерцаетъ лампадка... Ликъ Божіей Матери кротко и любовно оглядываетъ всѣхъ насъ... «Радуйся, Невѣсто Невѣстна-а-я...», — заканчивается молитва. Троектантъ «Господи, помилуй!» Еще не замеръ послѣдній аккордъ: — поворотъ кругомъ; звонкая команда фельдфебеля: «смирно», и секунду спустя, ласковый голосъ полковника Скрабина: «спокойной ночи, господа!» — Счастье оставаться господиномъ полковникъ!! — гремитъ ему въ отвѣтъ.

...Въ тылу Корпуса, на берегу рѣки Яузы, далеко-далеко тянулись, кажущійся безконечнымъ, дворцовый паркъ. Въ немъ высились столѣтніе дубы, ели и сосны; стройно стояли серебристые тополя, березы и густо разрослись кусты сирени, жимолости, жасмина. Посюду многочисленныя пруды, соединенные каналами черезъ которые были перекинуты всякіе узорные мостики; тѣнистыя широкія аллеи, со старинными — временъ Екатерины — статуями; красивые фонтаны, таинственные гроты... Чего-чего не видѣть, на своемъ вѣку, этотъ дивный старый паркъ!

Какъ любила мы, кадеты, гулять въ немъ и устраивать разныя проказы. Зимомъ, въ немъ много бѣгали на лыжахъ. Устраивались ледяныя горы, — духъ захватывало, когда съ плаца 1-ой роты мчались внизъ, на особые «кадетскіе» саняхи, и потомъ катились далеко-далеко по расчищенному льду обширнаго пруда.

Весною и осенью, эти пруды всегда манили насъ къ себѣ; обманувъ бдительность нашихъ воспитателей, мы устраивали катанья на плоткахъ и лодкахъ, ловили рыбу, купались....

Я помню случай, какъ опрокинулась лодка, на которой среди другихъ кадетъ, находился и сынъ Великаго Князя Константина Константиновича, нашъ Августѣйшій Однокашникъ Князь Гавриилъ Константиновичъ. Всѣ очутились въ водѣ, но благополучно выбрались на берегъ, принявъ лишь холодную ванну! Много разныхъ проказъ видѣть нашъ старый очаровательный паркъ!!

Увы, — страшный ураганъ, пронесшійся надъ Москвою, незадолго до Русско-Японской войны, прозвель болѣею въ немъ опустошенія: могучія деревья вырвались съ корнями, все рушилось на его пути. Но четыре самыхъ старыхъ дуба выдержали этотъ ураганъ, стоятъ они въ паркѣ и до сихъ поръ...

Въ годы моего пребыванія въ Корпусѣ, — Директоромъ былъ генералъ-лейтенантъ Александръ Игнатьевичъ Завадскій, уважаемый и любимый всеми. Какъ сейчасъ вижу я его, идущаго медленной походкой; правая рука заложена за борть его кононо-артиллерійскаго сюртука; подъ пушистыми бровями — нахмуренные глаза, но, Боже, какая доброта, ласка и любовь свѣтились въ нихъ, при разговорѣ съ нами!

Воспитывали насъ наши офицеры-воспитатели не «отбывая номеръ», а всю свою душу вкладывая въ это серьезнѣйшее и отвѣтственное дѣло. (Благодарная память о нихъ — всегда въ сердцахъ нашихъ!).

Не мудрствуя лукаво, старались они лишь сдѣлать насъ вѣрующими въ Бога, преданными Царю и любящими свою Родину. Они часто съ нами бесѣдовали и читали о величій и могуществѣ нашей Родины, о славномъ прошломъ, о доблестныхъ подвигахъ героев-прежковъ, изъ которыхъ не мало было воспитанниковъ нашего роднаго Екатеринбургскаго Корпуса. Когда бывало нужно — строго наказывали насъ, но всегда отношеніе къ намъ было самое сердечное и доброжелательное. Никогда не изгладились изъ моей памяти свѣтые образы моихъ ротныхъ командировъ, полковниковъ: Пышкова и Скрабина, отдѣльныхъ воспитателей, шт. кап. Воронова-Вельяминова, кап. Дормана, Влатьчскъ, полковникъ. Рымвиль-Мицкевича и др....

Вспоминаются и наши преподаватели, — назову здѣсь лишь нашихъ стариковъ: протоіерей о. А. Смирновъ, А. Ф. Спасскій, П. А. Голубевъ, Н. В. Лебедевъ... Сколько труда и сколько силъ потрачено было всѣми ими, чтобы воспитать и научить просторчащее поколѣніе быть полезными и вѣрными сынами Родины!

Августейший Главный Начальник Военных Учебных Заведений, Великий Князь Константин Константинович любил наш Корпус и часто посещать его, останавливаясь на несколько дней у Директора. Его Высочество входило во всё мелочи повседневной нашей жизни, интересовался нашими учебными занятиями, свободными времяпрепровождениями. Великий Князь знал многих кадетов не только по фамилиям, но знал и их хороших и дурных стороны. Мы, кадеты, обожали Великого Князя и посещение Его Высочеством Корпуса было для нас всегда радостными днями...

Помню, во всех мельчайших подробностях посещение Корпуса Его Императорским Величеством Государем Императором Николаем Александровичем. Нужно ли говорить, что испытывали мы, кадеты, при виде своего Монарха? Какой горячей дѣтской любовью къ нему выпали наши сердца! Широко раскрытыми глазами вивались мы въ Него, боялись проронить какое Его слово...

При отбыті Государя, несмотря на запрещеніе офицеров-воспитателей провозажить Его Величество за район Корпуса, — мы всё бѣжали вокруг Его экипажа до самого Яузскаго моста. И среди нас, кадеты, также бѣжали и наши воспитатели, сами забывшіе свое запрещеніе — провозажить такъ далеко Царя... И они и мы пережили озорную чувств и это еще болѣе раздвоило и сблизало всехъ насъ.

Расскажу теперь про день Св. Екатерины, — день нашего Корпуснаго праздника.

Къ нему готовились за-долго, особенно кадеты старшей, 1-ой роты. Помѣщенія превращались въ уютная гостиныя и зимніе сады. Утромъ, нашими законоучителями, протоіереями о. Смирновымъ и священникомъ о. Бѣтеньевымъ торжественно служилась обѣдня въ нашей домовой (въѣриѣ — дворовой) церкви, во имя Св. Апостола Петра и Павла. Проникновенно пѣлъ прекрасный хоръ пѣвчихъ - кадеты, подъ управленіемъ учителя пѣнія, регента Сучковскаго. Въ ярко освѣщенной церкви, при свѣтѣ мерцающихъ лампадъ, на черныхъ траурныхъ тоскахъ выдѣлялись имена кадета павшихъ въ бояхъ «за Вѣру, Царя и Отечество», и около нихъ стояло, безъ чуда, наше ставое Корпусное Знамя... Послѣ обѣдни, въ Тронномъ залѣ бывалъ парадъ, который принималъ Великий Константинъ Константиновичъ или кто-либо изъ старшихъ генераловъ. Сѣзжалась со всехъ концовъ необъятной Руси бывшіе кадеты отъ старшихъ генераловъ до юнчиковъ полпоручиковъ и корнетовъ... Молодецки похотѣли перемональничать маршемъ строевая рота со Знаменемъ, कुछъ терза винтовки и отчетливо отбивая ногу; малыши-пелюкальнички старались тоже не ударить лицомъ въ грязь, — «не полгали!» — усилению — заглянуть влѣхъ носомъ и сохраняли равнѣние, чужая каждый изъ штанишки своего сосѣда. А слани всѣхъ еще проходила гремя шпорами масса приѣхавшихъ на праздникъ юнкеровъ и офицеровъ.

Парадный завтракъ бывалъ весьма торжествененъ. Гремѣла музыка — игралъ оркестръ Александровскаго Военнаго Училища, подъ управленіемъ стараго Ф. Ф. Крейзбурга, а позже — оркестръ Гренадерскаго Спешнаго Батальона, подъ управленіемъ капельмейстера Н. А. Федотова. На завтракѣ присутствовали Великий Князь, высшее начальство, почетные гости, бывшіе кадеты... Традиционный ужинъ всегда былъ на второе блюдо, послѣ кулебяки съ рыбой, а послѣ него, передъ десертомъ, раздавалось «шпичечее вино» и кадеты, не жалѣя своихъ юныхъ голосовъ, восторженно кричали «ура» во здравіе обожаемаго Царя и Августейшаго Главнаго Начальника В.-У. Заведеній. Большая коробка шоколадныхъ конфетъ

отъ Эйнема, въ видѣ корпуснаго погона — получалась каждаму кадетомъ.

А вечеромъ, въ громадномъ Тронномъ залѣ, бывалъ балъ, который пользовался широкой известностью по всей Москвѣ. На него сѣзжалась вся Московская аристократія, залъ блистала военными мундирами, балными туалетами дамъ и скромными бѣлыми пелеринами Екатеринбургскихъ институтокъ — нашихъ милыхъ сестрицъ, которая тоже, въ этотъ же день, совместно съ нами, справляли и свой праздникъ.

— По старой нашей кадетской традиціи, «братья» всегда поздравляли своихъ «сестрицъ» и приглашали выпускныхъ институтокъ къ себѣ на балъ. Сестрицы наши отвѣчали намъ тѣмъ же и мы веселились и у нихъ. Балъ открывался общимъ торжественнымъ полонезомъ подъ звуки стараго Екатеринбургскаго марша: «Громъ побѣды раздавайся, веселися славный Россѣ!»... Въ первыхъ парахъ шли почетные гости. Помню Великого Князя, танцовавшего съ дочерью Директора.

За полонезомъ шли, чередуясь, вальсы, мазурки и кадрили. Заканчивались грандіознымъ котильономъ. Кадеты старшихъ классовъ любили и умѣли танцевать — старанія нашего учителя, заслуженнаго артиста Императорскаго балета Ежова, не пропадали даромъ и ему не приходилось краснѣть за своихъ учениковъ!

Непринужденное веселье продолжалось далеко за полночь и хотя институтское начальство неоднократно порывалось увозить нашихъ милыхъ сестрицъ домой — но, усиленными просьбами, кадеты добивались разрѣшенія остаться еще, «но только на полъ-часа»...

Когда заканчивался, наконецъ, балъ и гости разъѣзжались, а кадеты быстро укладывались спать, когда наступѣть уже темный Тронный залъ, запертый на ключъ, — то, по преданію, въ эту ночь, появлялась тѣнь Зорича — въ полной тишинѣ слышались по паркету его отчетливые шаги и звенѣли мягко шпоры... Изъ золоченой рамы огромнаго портрета Императрицы Екатерины Второй, вдругъ, выходила Сама Она, Матушка-Царица, гордой царственной походкой проплывала черезъ весь огромный залъ, и, — сквозя окно, — уходила въ Дворцовый паркъ...

Не находилось смѣльчаковъ, — да и нельзя было — остаться на ночь въ Тронномъ залѣ, и только сквозя заочную скважину, иногда, пытался любопытный подглядѣть, что происходитъ тамъ, въ эту таинственную ночь... но, — каждый разъ неизменно засыпалъ крѣпкимъ сномъ или подвергался высканью дежурнаго воспитателя, обхолившаго помѣщенія.

...Темной ноябрьской ночью, глухо шумятъ въ старинномъ дворцовомъ паркѣ четыре великана-дуба!... Не мало видѣли они на своемъ долгомъ вѣку... Видѣли они дни радости, красоты и величія Россіи; видѣли и дни ея печали и чужныя; и вотъ ложилъ до кошмарнаго времени, — до дней безграничной тоски, до той безутѣшной печали, что окутала и весь старый паркъ, и Екатеринбургскій Дворецъ, всю Первопрестольную-Москву и всю необъятную Россію...

Минутъ дикой тоскѣ и вновь, съ помощью Божіей, опнется и воскреснетъ Русь, и тогда исчезнетъ изъ двора вся вселяющаяся въ немъ ничья нечисть, и вмѣсто «топавшей» — красноармейцевъ Высшей Тактическо-Стрѣлковой Школы «Выстрѣтъ» — снова по парку бузвѣтъ рѣзвиться бѣлугіе воины Россійской Императорской Арміи, — юные кадеты въ алыхъ погонахъ съ вензелевымъ Матушки-Царицы Екатерины Второй В. Д. Колевымъ (V).

(И. Г. вице-интеръ офицера, кадета выпуска 1903-го года).

Наш директор

Четверть века тому назад директором 1-го Моск. Кадетск. Корпуса был Ген. Леит. Александръ Игнатьевичъ Завадскій. Свѣтлая личность, гуманный, умный и образованный человекъ, онъ былъ любимъ и уважаемъ кадетами всѣхъ возрастовъ. Память по воспитанно, офицеръ Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи, впоследствии окончившій артиллерійскую Академію, онъ много лѣтъ пробылъ на педагогическихъ должностяхъ и въ теченіе пятинадцати лѣтъ былъ директоромъ — сначала Нижегородскаго, затѣмъ 1-го Моск. Кад. Корпуса. Средняго роста, плотный, съ коротко остриженными, свѣдущими, свѣтлыми волосами и густыми нависшими бровями и усами, онъ, говоря съ кадетами, какъ бы произывалъ ихъ добрымъ и въ то же время, строгимъ взглядомъ маленькихъ, голубыхъ глазъ. Генераль Завадскій, былъ прекрасный психологъ и опытный педагогъ, понималъ, какъ и чѣмъ можно воздѣйствовать на каждаго кадеты въ отлѣльности. Зналъ онъ отлично рѣшительно всѣхъ кадетъ, склонности каждаго кадеты и въ отлѣльности былъ знакомъ съ большинствомъ родителей ихъ и учитывалъ влияние родственниковъ на своихъ питомцевъ.

Кадеты старшихъ классовъ уже знали, что на педагогическихъ совѣтахъ они имѣютъ вѣрнаго заступника въ лицѣ своего директора. Отношеніе генер. Завадскаго къ кадетамъ выпускнаго класса было особенно чарующимъ и въ немъ соединялось и отеческое попеченіе и готовность придти дружески на помощь юношѣ, почти взрослому уже человеку, въ минуты сомнѣній. Онъ постоянно поддерживалъ авторитетъ вице-интеръ офицеровъ 7-го класса, назначаемыхъ въ помощь воспитателямъ въ младшія роты, устраивалъ имъ разныя льготы и снисходительно относился къ ихъ отвѣтамъ на выпускныхъ экзаменахъ, сознавая, какъ перегруженные работой съ малышами, они не имѣли времени хорошо подготовиться. Особенно трогательно было всегда отношеніе директора къ больнымъ кадетамъ; онъ посылалъ ихъ въ лазаретъ ежедневно, а къ тяжело больнымъ заходилъ и по 2-3 раза въ день, проверяя уходъ за ними и ласково утѣшая. Постоянно присылалъ, дозволенная врачемъ, лакомства и портвейнъ для слабыхъ. Во всемъ корпусѣ чувствовалось влияние директора; въ ореолѣ власти, знанія и человечности — онъ стоялъ въ центрѣ всей жизни корпуса. Но зато виновные въ различныхъ проступкахъ съ замирающимъ сердцемъ ждали его разсказа. Мы неподлинно гордились своимъ директоромъ, когда въ Царскіе дни на большихъ представленіяхъ въ Большомъ Императорскомъ Театрѣ, онъ появлялся въ первомъ ряду кресель, въ блестящемъ мундирѣ Лейбъ-Гвардіи конной артиллеріи при Анненской лейтѣ и трехъ орденскихъ звѣздахъ, держа себя постоянно съ большимъ достоинствомъ. По традиціи тѣмъ за своего директора въ столовой во время параднаго обѣда провозглашался вице-фельдфебель корпусы и самымъ маленькимъ и младшимъ по возрасту кадетомъ. Почему въ день корпуснаго праздника, 24-го ноября, самое громовое и долго не смолкающее «ура» всегда

было за сѣюшаго, довольнаго генерала Завадскаго. На выпускныхъ экзаменахъ генераль Завадскій всегда внимательно слушалъ отвѣты и ласково ободрялъ робѣвшихъ. Кромѣ того часто приходилъ бесѣдовать съ оканчивающими корпусъ кадетами и невольно, къ нашей радости скорого окончанія корпусы, примѣшивалась грусть разставанія съ такимъ руководителемъ какимъ былъ генераль Завадскій и котораго мы за семь лѣтъ кадетской жизни отъшли и научились глубоко уважать. Прощаясь съ нами по окончаніи экзаменовъ и облобызавшись съ каждымъ кадетомъ, Генер. Завадскій дарилъ всегда свои фотографическія карточки съ трогательными надписями каждому и со слезами на глазахъ напутствовало насъ, своихъ бывшихъ уже воспитанниковъ, — въ новую, болѣе самостоятельную жизнь. Еще будучи дѣтми въ наши души глубоко западали сѣмена правды, чести добра и любви къ родицѣ — все это заложено, первоначально въ родительскомъ домѣ каждаго изъ насъ и врослось потомъ на благодатной почвѣ, только въ кадетскіе годы усилями дорогаго Генерала Завадскаго и его помощниковъ, т. е. преподавателей, воспитателей и легендарнаго кадетскаго товарищества — «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ». Въ послѣдствіи благодаря Великому Князю Константину Константиновичу волна свѣжаго воздуха проникла въ ту пору во всѣ военно-учебныя заведенія и нашъ старшій другой директоръ одинъ изъ первыхъ воспріялъ этотъ духъ Константиновскихъ реформъ и самъ много способствовалъ изжитію той рутинны, которая свила себѣ прочныя гнѣзда въ корпусыхъ. Улучшилось преподаваніе, появились новыя, знающіе и подготовленные къ своей дѣятельности педагоги и прошедшіе педагогическіе курсы воспитатели. Стали устраиваться интересные лекціи, экскурсіи, осмотры заводовъ, музеевъ, введены были особые внѣклассные уроки ремесель, иностранныхъ языковъ, и музыки на струнныхъ и духовныхъ инструментахъ и на роялѣ. Стали устраиваться дни поминокъ великихъ людей, съ интересными докладами-лекціями, спектакли для взрослыхъ кадеты, а также періодическіе и годовые, отчетные концерты съ гораздо болѣе продуманной, интересной и серьезной программой. Вообще началась новая эра и имя Генерала Завадскаго тѣсно связано съ эпохой этихъ реформъ въ жизни нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Во время Русско-Японской войны онъ былъ причисленъ къ Гл. Упр. военно-уч. заведеній и незадолго до Великой войны скончался. Я глубоко увѣренъ, что всѣ люди, близкіе его знанію и особенно его быв. воспитанники сердечно и тепло отзываются о немъ до сихъ поръ. Преклонимся переть его свѣтлою памятью и пожелаемъ въ нашей новой тяжелой работѣ по сознанію учебнаго заведенія на чужбинѣ найти достойнаго и такого же свѣтлаго руководителя, какимъ былъ дорогаго Александръ Игнатьевичъ Завадскій.

Миръ его праху.

М. Я.

О деятельности Исторического Отдела Союза Рос. Кад. Кор. за 1928 г.

Протоколом № 5 заседания правления Союза кадетских корпусов права и обязанности исторического отдела установлены следующие: 1) историческому отделу предлагается продолжать издание журнала в том же направлении и духе, в котором были изданы его первый номер; 2) никаких сумм правление отпускать не будет; 3) председатель исторического отдела в своей работе по изданию журнала является редактором ответственным перед правлением; 4) в отношении ведения дела и внутреннего в отделе распорядка инициатива предоставляется самому отделу. В протокол № 2 от 2-го июля 1928 года редакционной комиссии предоставлены полные полномочия по продажам журнала. Протоколом № 5-м состав исторического отдела установлен следующий: председатель — И. И. Вятвицкий, его заместитель генер.-м. Ярославцев и члены п-кы Соколовский, гв. шт. рот. Скрябин и казначей гв. п-кы Фриде, при чем А. А. Скрябин принял и провел всю техническую часть сложной работы издания журнала.

Приступив к исполнению возложенной задачи отдел установил следующие рамки для своей деятельности, учредив отделения: 1) Редакция, издание и распространение журнала «Кадетъ»; 2) Сбор реликвий для музея; 3) Составление списка гортеговских кавалеров с описанием их подвигов; 4) Составление списка кадетов особо заслуживающих внимания за их подвиги и заслуги перед Родиной; 5) Собираение сведений и составление общей истории кадетских корпусов и 6) Сбор книг для составления библиотеки. Несмотря на помещенный в № 2-м журнала призыв ко всем кадетам ни одно из кадетских объединений на призыв не отозвалось а потому деятельность исторического отдела должна была исключительно остановиться на издании и распространении журнала «Кадетъ».

За отчетный период издано два номера журнала: № 1-й издан Временным Правлением под председательством Д. ст. Сов. Богдановича и лишь только № 2-й издан историческим отделом. В основании этого издания редакция стремилась положить общую идею об единении всех кадет, всех кто не забыл своего родного корпуса, без различия взглядов и направлений, навязанных жизнью и тяжестью изгнания, т. е. исключила из журнала всякую партийность. Редакция обратилась с горячим призывом о присылке для помещения в журнал статей, воспоминаний, стихотворений и проч. литературы и многие из кадетов уже откликнулись на этот призыв. Многие из полученного материала помещено или будет помещено, но к сожалению и многое пришлось оставить без напечатания.

Редакция всеми мерами стремилась составить журнал таким, чтобы он мог заинтересовать своим содержанием наибольший круг читателей, а потому и обратилась к известным в эмиграции писателям как, гг. Никаноров, Ренников, и Вл. Лазыженский и проч., которые сердечно откликнулись на эту просьбу, прислали свои статьи, которые и помещены в журналах. Редакция приносит всем лицам, приславшим свои статьи свою глубокую благодарность за оказанную ей помощь в новом для нее и трудном деле издания

журнала. Редакция выражает свое крайнее сожаление по поводу искажения подписки на Союзом кадетов под его статьей в № 2-ом журнале «Гос. Царенятко».

№ 1-ый журнала издан Вр. Правлением в 2000 экз. причем валовой доход от него предположительно исчисляется в 6000 фр. Суровая действительность указала иное. Всего по 1-ое января с. г. продано 550 экз. и на комиссию находится 354 экз. За проданные номера получено 1631 фр. Стоимость же издания выразилась в цифре 1931 фр. 49 сан. (изъ коих 1500 фр. типография, 120 фр. 15 сан. клише и 311 фр. 34 сан. прочие расходы). Таким образом стоимость издания превысила принесенный доход на 300 фр. 49 сан., что должно быть погашено из предполагаемых доходов от продажи журнала № 2 и последующих номеров.

№ 2 журнала издан отделом в числ 1000 экземпляров. Продано по 1-ое января 187 экземпляров и за них пока получено лишь 620 фр. 40 сан. Стоимость издания выразилась в цифре 1782 фр. 65 сан. (типография 1570 и проч. расходы 212 фр. 65 сан.). Продажа этого номера продолжается.

Подводя общий итог по изданию обоих номеров, мы увидим, что общая сумма этого расхода по 1-ое января 1929 г. выражается в цифре 3.714 фр. 14 с. (1.931 фр. 49 сан. плюс 1.782 фр. 65 сан.). Приход достиг к 1-му января всего лишь цифры 2.736 фр. 05 сан. и таким образом недополученные от продажи 978 фр. 09 сан. могут быть погашены, как это указано выше, доходами от продажи старых и последующих выпусков журнала. Но чтобы иметь возможность получить необходимый чистый доход от предполагаемых следующих выпусков журнала, необходимо прежде всего точно установить число экземпляров потребных для удовлетворения спроса кадетскими объединениями, которые должны обязательно выписывать журнал по числу членов объединения. Для этого нужна некоторая жертвенность, которая до сего времени не наблюдалась. Если кадеты желают иметь свой печатный орган их объединения, то они должны принести и некоторую жертву для этой цели, тем более, что это не так обременительно, ибо журнал предполагается выпускать всего несколько раз в году. Без этого — издание журнала продолжаться не может. Как всякое коммерческое дело, журнал должен иметь свой оборотный капитал — в данном случае фиксированное количество потребных и оплоченных объединениями и отделами Союза номеров. Продажа же в частные руки ничтожна и на нее рассчитывать нельзя.

Отдел положив все свои силы изданию журнала «Кадетъ» выражает надежду, что Союз кадетов поддержит его начинание и даст ему возможность широко развить свою деятельность в указанном направлении.

И. Вятвицкий,
М. Ярославцев,
В. Соколовский,
А. Фриде,
А. Скрябин.

Праздникъ обще-кадетскаго Объединенія

Мысль объ объединеніи всѣхъ кадетъ въ одну дружную семью пошла изъ Бѣлграда. Въ 1922 году въ маленькой сторожкѣ гидротехническаго отдѣла, окруженной со всѣхъ сторонъ водой, жили 3 рабочицы — б. кадеты 2-го Московскаго Императора Николая 1 корпуса. Они организовали Общество кадетъ этого корпуса, поставившее себѣ цѣлью объединить кадетъ всѣхъ корпусовъ. Черезъ 3 года упорной работы въ этомъ направленіи мечта осуществилась: 19 декабря (6 декабря ст. ст.) 1925 г. состоялось первое собраніе 120 кадетъ разныхъ корпусовъ. Этотъ день положено считать днемъ основанія Обще-Кад. Объединенія въ Королевствѣ С. Х. С. Въ этомъ же году Общество издаетъ свой журналъ «Родной Корпусъ». Одновременно съ этимъ въ Болгаріи, въ гор. Варнѣ, основывается Обще-Кадетское Объединеніе «Родной Корпусъ имени Августышаго поэта К. Р.». Затѣмъ появляются подобныя объединенія въ Лигвѣ, Вильнѣ, Софіи, Китаѣ (Шанхай, Харбинъ, Мукденъ и др.), въ Парижѣ и наконецъ въ этомъ году въ Нью-Йоркѣ. Парижское объединеніе преобразуется во Всероссийскій Союзъ Кадетъ, къ которому примыкаютъ другія общества и отдѣльныя кадеты, разбросанные по всѣмъ материкамъ. Въ Парижѣ выходитъ журналъ «Кадетъ», прекрасно издаваемый, со многими иллюстраціями, являющийся свободнымъ голосомъ русскаго кадета, не связанный ни деньгами, ни «страхомъ иудейскимъ» перелъ временщиками. Это теперь большая рѣдкость.

Цѣль объединенія — взаимная моральная поддержка,

Слово, сказанное Н. Львовымъ на собраніи Главнаго Совѣта Р. Ц. О. 28 Января 1929 г.

Одна скорбь, одно чувство осиротѣлости въ душѣ каждаго изъ насъ. Мы потеряли самаго близкаго, роднаго для насъ человѣка.

Его имя связано съ величіемъ царственной Россіи, съ доблестью, вѣрностью долгу, съ самоотверженнымъ дорывомъ, съ побѣдами русской арміи въ мировую войну.

Его имя говорило о томъ, чѣмъ была Россія и въ дни нашего національнаго униженія одно его имя будило нашу народную гордость, давало силы для борьбы въ тяжелой судьбѣ.

Великій Князь Николай Николаевичъ дорогъ намъ тѣмъ, что на чужбинѣ онъ далъ намъ, замученнымъ навѣтами и клеветой на все наше прошлое, одну отраду видѣть въ немъ воплощенное благородство старой Россіи.

Онъ умѣлъ служить Россіи въ дни ея величія и могущества, но онъ показалъ намъ другой, еще болѣе возвышенный, примѣръ служенія своему народу въ роковую годину его паденія.

Несмотря ни на что, онъ продолжалъ любить русскаго солдата, онъ продолжалъ вѣрить въ русскій народъ, продолжалъ любить опоганенную Россію.

Какими тяжкими страданіями дается такая любовь. «Молодо Господа, да узримъ Отечество наше свободнымъ и въ немъ торжество вѣры и царство мира, любви и правды. Народъ русскій! Собери твои силы и со крестомъ вниди вновь на путь тебѣ даннаго великаго и славнаго битія».

Вотъ его предсмертныя слова.

Онъ не терялъ вѣры. Его не оттолкнулъ страшный,

забота о сохраненіи славныхъ традицій Императорскихъ Корпусовъ, борьба съ ихъ разрушителями, воспитаніе дѣтей въ духѣ этихъ традицій и обереганіе ихъ отъ непрошеннаго попечительства и неумѣлаго руководительства. Отсюда понятна тревога «друзей народа» и ихъ безысильный гнѣвъ.

Всероссійскій Союзъ Кадетъ предполагаетъ открыть во Франціи два учебныхъ завѣденія по типу корпуса и института. Богъ въ помощь! Русскія дѣти получатъ возможность получить чисто русское воспитаніе, основанное на знаніи русской исторіи и любви къ православной церкви.

Крѣпка наша связь съ вынѣшними кадетами въ Королевствѣ С. Х. С. Насъ связываетъ безмѣрная любовь къ славному прошлому, общія традиціи, завѣщанная намъ дѣдами жажда подвига, наша старая форма и духъ, общія страданія и сознаніе, что правда и право на нашей сторонѣ.

21-го мая — день памяти неизбежнаго нашего единителя, отца и друга, б. т. л. и-ка военно-уч. зав. Вел. Кн. Константина Константиновича — мы — кадеты считаемъ знемъ храмоваго праздника нашего Объединенія.

Ежегодно 19 (6) декабря кадеты молятся объ упокоеніи души нашего Царственнаго кадета Императора Николая Александровича, явившаго намъ своею мученической смертью за Россію высочій примѣръ жертвеннаго подвига. Онъ указалъ намъ вѣрный путь.

— За нами очередь, кадеты!

Б. Приходкинъ.

звѣрный образъ, и, сквозь туманы наваженія, онъ прозрѣвалъ святую Русь среди всей логани, ее оксвернившей.

«Памятайте о Россіи и зтѣсь, въ изгнаніи. Ей отдайте всѣ помыслы, не числа — трудовъ, силъ и средствъ на дѣло ея спасенія, ибо безпримѣрно тяжки испытанія и наступаютъ рѣшительные сроки».

Слышите, что говорить передъ смертю человѣкъ, у котораго не было другого помысла, кромѣ непрестанной и напряженной думы о Россіи.

Тамъ надругательство надъ всѣмъ русскимъ, втаптываніе въ грязь всего, что свято и непреложно, чѣмъ тысячелѣтіе было живъ русский народъ, тамъ ложь, а любовь русскаго солдата, онъ продолжалъ, какъ и всѣ мы, горить неугасимаю лампада любви и вѣры въ свой народъ.

И эту непоколебимую вѣру онъ заповѣдалъ намъ.

Не домогайся самъ ничего для себя, старѣйшій членъ Императорской фамилии, не говорить о восстановленіи престола, о реставраціи стараго порядка, онъ призываетъ насъ на жертвы, на подвигъ ради блага Россіи.

Онъ понималъ трагизмъ русской жизни. Онъ понималъ, что не въ извилистыхъ путяхъ политики кроется спасеніе погибающаго русскаго народа, а въ нравственномъ его возрожденіи.

«Памятайте о Россіи. Ей отдайте всѣ помыслы, не числа трудовъ, силъ и средствъ на дѣло ея спасенія».

И мы ли ослабѣемъ въ борьбѣ? Много ли насъ? Но ихъ было еще меньше, когда четырнадцатый доброволецъ записывался въ армію генерала Алексѣева. За насъ вся

невинная кровь, всё жертвы, всё безымянные могилы, весь героизм, всё тяжкая мука, вся страда двенадцатилетнего похода, без отдыха, без перерыва, вплоть до сегодняшнего дня.

За насъ всё тѣ, кто страдаетъ, кто оскорбленъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. За насъ тотъ, кто не хочетъ быть рабомъ въ своемъ собственномъ отечествѣ.

За насъ всё обманутые, всё обездоленные — послѣдній деревенскій бѣднякъ, которому опостыѣла скверная жизнь. За насъ комсомолецъ, красноармеецъ, въ душѣ котораго пробудилось русское чувство.

За насъ всё страдалцы, всё угнетенные, всё гонимые за вѣру въ Россію.

И мы должны побѣдить!

У насъ нѣтъ единенія, насъ раздражаютъ несогласія, раздоры, вражда.

Мы нищие, мы безоружны, мы изгнанники.

И все-таки мы побѣдимъ.

Въ нашихъ рядахъ есть усталые, ослабѣвшіе, упавшіе, есть соглашатели, есть перебѣжчики, есть пораженцы.

Но десять лѣтъ, — и мы все-таки стоимъ на ногахъ.

Судьба безопадна къ намъ. Мы прошли черезъ страш-

ныхъ испытаній надломленного героическаго порыва, національнаго униженія, безнадежности и отчаянія.

И среди, казалось бы, неизбежной гибели, героической духъ первыхъ дней не угасъ.

Война, которую мы ведемъ, не можетъ кончиться ни перемиріемъ, ни миромъ, свестись на нѣтъ — «ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ».

Мы должны побѣдить!

Въ суверенитетъ послѣдней жизни мы не можемъ забыть. Мы наследники великаго прошлаго. Мы не можемъ растерять себя на улицахъ Парижа.

Исторія народа не борьба вешествъ, не голосъ пожираниа славолюбивыхъ.

Есть нравственный законъ въ жизни человѣчества.

Не можетъ восторжествовать такая низость, какъ большевизмъ.

Вновь и вновь я повторяю предсмертныя слова Великаго Князя:

«Памятайте о Россіи. Ей отдайте всё помыслы, не чиня трудовъ, силъ и средствъ на дѣло ея спасенія».

О, Боже, дай намъ силу выполнить то, что онъ намъ заповѣдалъ! («Возрожденіе»).

Царевичъ Алексѣй Николаевичъ

(ОКОНЧАНІЕ)

При живомъ, подвижномъ характерѣ, мальчикъ всёми интересовался, былъ любознательнымъ, всёхъ обо всемъ разспрашивалъ, обо всемъ все узнавалъ первымъ. У него во дворцѣ, среди придворныхъ, среди прислуги и служащихъ были многочисленные друзья: поварь ли, камергеръ, простой телеграфистъ или генералъ, — со всѣми мальчикъ бесѣдовалъ одинаково, не дѣлая никакого различія, и разспрашивалъ обо всемъ, что казалось любопытнымъ и интереснымъ. Его можно было встрѣтить почти въ одно и тоже время на кухнѣ, гдѣ онъ узнавалъ, что сегодня будетъ на обѣдъ, и около часовыхъ, у которыхъ была такая интересная строгая выправка, и рядомъ съ телеграфистомъ, который сообщалъ свѣжія военныя новости. Знакомыхъ людей Царевичъ не стѣснялся, былъ разговорчивъ, всегда веселъ. Но, будучи живымъ и рѣзвымъ ребенкомъ, онъ въ то же время отличался крайней застѣнчивостью. Новыхъ, незнакомыхъ людей мальчикъ стѣснялся, боялся, его съ

трудомъ можно было вызвать въ этихъ случаяхъ на разговоръ. Госуляръ, который самъ былъ по природѣ въ высшей степени скромнымъ и застѣнчивымъ человѣкомъ, сознавалъ по личному опыту, что застѣнчивость является, часто, большою помѣхой въ официальныхъ случаяхъ и потому старался при воспитаніи сына сдѣлать его болѣе свѣтскимъ, болѣе общительнымъ, не стѣсняющимся при общеніи съ людьми. Но сынъ поддавался этому перевоспитанію своего характера съ трудомъ. Онъ сильно не любилъ, когда его принуждали присутствовать на такихъ церемоніяхъ, гдѣ ему самому нужно было что нибудь отвѣчать, и всегда во всѣхъ случаяхъ застѣнчиво жался къ Отцу. Когда во дворецъ являлись иногда депутации, прося Царя показать имъ Наслѣдника и Царь говорилъ сыну, что нужно выйти къ депутации и сказать нѣсколько ласковыхъ словъ, у Царевича занимался духъ, усиленно начинало биться сердце...

Какъ то разъ во время дворянскаго съѣзда въ Петроградѣ, группа дворянъ послѣ приѣма у Царя просила разрѣшенія познакомиться съ Царевичемъ и поговорить съ нимъ. Царь согласился и просилъ немного подождать въ пріемной залѣ, такъ какъ Царевичъ въ это время находился на прогулкѣ и скоро долженъ былъ вернуться во дворецъ. Депутация состояла изъ почтенныхъ людей, всё въ высокиихъ чинахъ. Сидѣли депутаты около полубы, пока, наконецъ, не отворилась дверь, и не вошелъ Царевичъ. Мальчикъ былъ одинъ, въ простомъ костюмѣ, въ которомъ онъ обыкновенно бывалъ на прогулкахъ, еще запыхавшійся отъ игры и отъ быстрой ходьбы. Онъ застѣнчиво оглядѣлъ присутствующихъ, нерѣшительно подошелъ къ нимъ и поздоровался.

— Вы на конькахъ умѣете кататься? — рѣшилъ, наконецъ, онъ задать вопросъ почтенному князю, одному изъ членовъ депутации.

— Нѣтъ, Ваше Высочество.

— Отчего?

— Я уже старъ, Ваше Высочество. Гдѣ мнѣ кататься! Лѣта не позволяютъ.

— Да, вы старый, — быстро согласился Царевич, доподлинный, тьмъ, что разговор завязался.

— А жаль, что не умѣте. На конькахъ хорошо. Не то, что пѣшкомъ.

Онъ помолчалъ. Затѣмъ, вѣдя, что разговоръ больше не клеится, совсѣмъ смутился, повернулся на мѣстѣ, что то пробормоталъ про себя и сталъ вдругъ прощаться.

— Извините, я уже уйду, господа, — сказалъ Онъ.

— Вы вѣдь всѣ люди свободные, а я занятъ. У меня ружье испортилось, нужно починить.

И онъ исчезъ за дверью, радостный отъ того, что исполнилъ свою обязанность и оттого, что исполненіе этой обязанности уже миновало.

Впрочемъ, бывали случаи, когда Царевичъ проявлялъ меньше застѣнчивости въ бесѣдахъ съ незнакомыми лицами. Стучалось это большей частью тогда, когда новое знакомство вызывало въ немъ самомъ интересъ, или непосредственно врывалось въ его личная дѣтскія дѣла.

Нужно сказать, что Настѣвникъ благодаря отличной памяти уже въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ иногда прекрасная знанія русской географіи. Такъ, напримеръ, въ 1911 года, когда мальчику было еще 7 лѣтъ, Императоръ представлялся назначенный въ Сибирь Пріамурскимъ губернаторомъ Н. Д. Гонзати. Въ концѣ доклада, Императоръ спросилъ Гонзати, не желаетъ ли онъ видѣть Настѣвника. Вызванный къ Отцу мальчикъ на этотъ разъ не выказалъ обычной своей застѣнчивости, очень живо и непринужденно вступилъ въ разговоръ съ новымъ губернаторомъ и сталъ на картѣ безъ ошибокъ показывать границы областей, рѣки и горы Пріамурской области. Самъ Царь былъ удивленъ этимъ познаніями сына, а Гонзати пришелъ въ восторгъ. Мальчикъ и на этотъ разъ показалъ, между прочимъ, кромѣ познаній и свой добрый характеръ: опущенный отъ него онъ стоялъ за дверью и поджидалъ, пока Гонзати будетъ выходить и, встрѣтивъ губернатора послѣ окончанія доклада, онъ сказалъ:

— Вы такъ далеко ѣдете, что мнѣ еще разъ захотѣлось попрощаться съ Вами.

А однажды Царевичъ не только не обнаружилъ своей обычной застѣнчивости, но даже сказалъ неприятность командующему войсками Олесскаго военного округа, генералу барону Каульбарсу. Какъ то на Императорской яхтѣ «Штангартъ» Царевичъ помогалъ матросамъ мыть палубу. Положенный къ Настѣвнику баронъ Каульбарсъ оторвалъ его отъ работы и началъ о чѣмъ-то злобно разсказывать. Настѣвникъ сначала слушалъ генерала покорно, но потомъ, вѣдя, что можетъ пропустить мытье палубы, нетерпѣливо сказалъ:

— Генералъ, простите меня, пожалуйста, можетъ быть вы потомъ кончите, а у насъ спѣшная работа. Мы должны мыть палубу. — Стѣсняясь обычно постороннихъ Царевичъ въ кругу семьи проявлялъ всю живость своего характера и иногда причинялъ ею не мало безпокойства Родителямъ.

Чувствуя всю любовь родителей и сестеръ къ себѣ и обычно не злоупотребляя этимъ, мальчикъ однако, не рѣдко шалилъ, зная, что его простятъ, дразнилъ сестеръ, называя ихъ «дѣвченками», за обѣдомъ брызгалъ въ нихъ сокомъ изъ просверленной въ апельсинѣ дырки, а однажды своей шуткой даже сильно перенугалъ родителей. Какъ то разъ Государынѣ доложили, что Настѣвникъ куда-то исчезъ. Во дворѣ поднялся страшный переполохъ. Настѣвника искали всездѣ — но тщетно. Долго продолжались поиски, Императрица сильно волновалась, Государь былъ встревоженъ. И вдругъ Царевичъ неожиданно вылезъ изъ-подъ покрытаго чехломъ кресла и весело крикнулъ:

— Вотъ я!

Образованные родители начали упрекать сына за неумѣную шутку. Императоръ строго спросилъ:

— Для чего ты спрятался, Алексѣй?

Царевичъ же, смѣясь, отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ посмотреть, какъ вы будете жить безъ меня.

Несмотря на частыя продѣлки и шалости, Царевичъ, однако, боялся отца и слушался его во всемъ. Въ видѣ примѣра его безусловнаго послушанія можно привести одинъ курьезнѣйшій случай.

Государь какъ-то замѣтилъ мальчику, что въ присутствіи официальныхъ лицъ на пріемахъ онъ не долженъ называть отца Папой, а говорить «Ваше Величество». Мальчикъ запомнилъ. И вотъ однажды онъ вбѣгаетъ въ залъ, гдѣ Императоръ сидѣлъ вмѣстѣ съ приближенными и, плача, кричитъ на весь залъ:

— Ваше Величество! Ихъ Высочества — Великія Князья меня побил!

Императоръ и Императрица воспитывали сына въ духѣ строгой религіозности. Съ ранняго дѣтства Царевича учили по утрамъ и по вечерамъ читать молитвы и, только перекрестившись, садиться за обѣдъ. Христіанская мораль внушалась мальчику съ первыхъ же лѣтъ. И ясно, что за внѣшней обрядовой стороной всегда шла болѣе цѣнная — внутренняя, развитіе нравственнаго чувства, гуманныхъ чувствъ и повинноеніе старшимъ. Что Царевичъ не относился къ образамъ механически, объ этомъ легко судить по многимъ примѣрамъ. Я приведу изъ нихъ только два, но и тѣ ясно показываютъ и глубиную религіозность, и умъ, и добрыя чувства Царевича.

Однажды въ Крыму Царская семья садилась обѣдать на верандѣ дворца. Императоръ увидѣлъ, что Царевичъ схватилъ со стола хлѣбъ и хотѣлъ уйти съ нимъ въ саль.

— Ты куда? — спросилъ мальчика отецъ.

— Я хочу отнести этотъ хлѣбъ татарченку, который жлетъ меня на улицѣ.

— Хорошо, ты отнесешь этотъ хлѣбъ потомъ. Перекрестись и сядь обѣдать.

— Папа, — замѣтилъ мальчикъ. Развѣ не лучше отнести сейчасъ? Богъ можетъ положить, пока я перекрещусь, татарченко же не можетъ, онъ очень голоденъ.

Другой случай у Царевича произошелъ съ няней во время вечерней молитвы. По обыкновенію переть сномъ Царевичъ становился перель образомъ и читалъ молитвы, причемъ кромѣ обычныхъ молитвъ, молился также за папу, за маму, за сестеръ и близкихъ. Когда онъ началъ эту послѣднюю молитву, няня услышала, что Царевичъ говоритъ:

— Боже, помилуй Деревеньку, Папу, Маму, сестру Ольгу...

— «Ваше Высочество», — прервала мальчика нянька. — «Такъ не хорошо молиться. Нужно сначала сказать за папу, за маму, за сестеръ, а потомъ уже можно и за матерю».

Царевичъ слегка обернувшись, отвѣтилъ:

— Глупая, ты ничего не понимаешь. За папу и маму молится вся Россія. А за Деревеньку я одинъ. Не мѣшай.

**

Пребываніе Царевича въ Могилевѣ было періодомъ постояннаго общенія со сверстниками и многочисленными лицами, находившимися при Ставкѣ. Это общеніе несомнѣнно, принесло значительную пользу. Царевичъ сталъ менѣ застѣнчивъ; онъ не такъ уже стѣснялся въ разговорѣ со взрослыми. И за завтракомъ въ губернатор-

скомъ долѣ, на который собиралось каждый день около 30 человекъ приглашенныхъ, въ томъ числѣ Генераль Алексѣевъ и представители всѣхъ союзныхъ военныхъ миссій, — мальчикъ уже не проявлялъ прежней робости, свыкшись съ необычной ранѣ для него обстановкой.

Конечно, въ общении съ мальчиками, Царевичъ иногда черезуръ увлеклся играми, иногда даже слишкомъ много шалилъ. Нерѣдко онъ возвращался изъ городского сада запятанный, запачканный, съ торжествомъ заявляя отцу, что сегодняшняя атака неприятельской крѣпости была очень трудна, такъ какъ приходилось совершать походъ черезъ грязныя лужи. А въ своихъ шалостяхъ мальчикъ одинъ разъ дошелъ до того, что на дверяхъ Императорской спальни повѣсилъ объявление: «Bourse ou la vie!» («смерть или кошелекъ»), чѣмъ привлекъ въ несказанный испугъ прохорившихся по корридору членовъ иностранныхъ миссій.

Но параллельно съ обычными дѣтскими забавами въ мальчикѣ начали появляться и черты близкаго юношеского возраста; обстановка войны создавала въ Царевичѣ здоровую гордость русскимъ именемъ, выработывала любовь къ военному дѣлу путемъ игры и спорта.

Ротный командиръ Кольдевинъ

Разсказъ.

Барabanщикъ на площадкѣ дѣтницы у строевой роты пробавля «доброе», и шумъ, крики, возня и говоръ въ большой и сумрачной «сборной» залѣ стали стихать. Сѣдлой классъ надѣвъ черныя ремни съ желтыми патронташами и мѣдными бляхами, разобралъ ружья и строился на маршировку. Тамъ базилъ Александръ Петровичъ Михневичъ, рослый «капитуша», поправляя стойку.

Въ шестомъ скоро затихло — уроки тригонометрии. Захаръ Борисовичъ Вулихъ — шутки плохи. Тамъ уже хрупко стучалъ по черному аспиду ломкій мѣлъ, выкручивая синусы и косинусы, и кто-то неровнымъ и неувереннымъ голосомъ, звонко и громко, такъ, что было слышно черезъ стеклянную дверь, объясняетъ задачу.

Наше параллельное отдѣленіе разошлось было по желтымъ полированного дерева партамъ, притихло, подоставало книги и въ ожиданіи преподавателя подтверждало урокъ. Кто не мурдавалъ дукаво углубился въ Иловайскаго, кто, стремясь блеснуть своими знаниями, разложилъ «Розную Старину» Сиповскаго и подчитывать по ней, добывая «подробности». Зудили зубрили, заткнувъ пальцами уши.

Классъ, — въ три большихъ широкихъ окна на Итальянскую, залитъ яркимъ радостнымъ свѣтомъ. Весеннее солнце везѣтъ: — на низкихъ комодахъ, гдѣ хранятся «гимнастерки» и патронташи, на черныхъ доскахъ съ нестертыми алгебраическими уравненіями, на большой картѣ Европы, на картинахъ какихъ то птицъ и болѣе всего на партахъ съ мальчиками въ темозеленыхъ мундирахъ съ бѣлыми погонами съ желтымъ вензелемъ А-П. Оно блеснётъ на примасленныхъ вихрахъ шаволиваго пучеглазого Баума, бросило бронзу на смуглое лицо Термена и окружило серебристымъ сияніемъ бѣлую голову Грентляя.

Преподавателя нѣтъ. Дежурный въ блѣмомъ кушакѣ грейтъ разъ откланивается, собираясь рапортовать. Онъ выглядываетъ въ сумрачный, въ тѣни, залъ и смотритъ

Однажды, въ 1916 году, въ день своихъ именинъ, 5 октября послѣ завтрака Царевичъ попросилъ, чтобы нѣкоторые изъ гостей во время отдыха сыграли съ нимъ въ изобрѣтенную имъ «игру въ столъ». Игра заключалась въ томъ, что съ одной и другой стороны стола становились противники и старались по паркету сдвинуть столъ отъ себя въ сторону неприятеля. Играть съ мальчикомъ вызвался одинъ изъ офицеровъ французской миссії. Оба стали у противоположныхъ сторонъ и военныя дѣйствія начались. Офицеръ, которому хотѣлось доставить Ба-стѣннику удовольствие, рѣшилъ добровольно отступить; онъ сдѣлалъ видъ, что Царевичъ побѣждаетъ и начать тянуть столъ за собой.

Царевичъ обидѣлся. Бросилъ игру и гордо замѣтилъ: — Вижу, капитанъ, что вы нарочно отступили, потому что я маленький, но вѣрте: если мы встрѣмимся когда нибудь впоследствии, когда я вырасту... я васъ тогда загоноу вонъ въ тотъ уголъ.

Увы... осуществитъ это желаніе судьба не дала Алѣксѣю Николаевичу.

А. Рениковъ.

черезъ него на зрадую дѣтницу. На дѣтницѣ солнце прочертило косая золотая дорога, и все кажется тамъ неспостижимо прекраснымъ. Въ открытое окно вливается сладкій весенний воздухъ и слышится меленный барабанный бой со двора и басъ Михневича: — «Лѣвой... лѣвой... покойнѣй руку...»

На задней скамейкѣ блѣдный и длинный Ромиченко досталъ изъ чернаго плоскаго футляра флейту и подъ сурдинку протверживаетъ свою партію: — слѣдующій часъ ему играть въ оркестрѣ. За нимъ Гладковъ съ Леномъ дууютъ въ «крестники и полники», а рядкомъ рыжеватый Лорберъ углубился въ чтеніе французскаго романа. Запретный плодъ.

Звуки флейты становятся громче. Голоса нарастаютъ. Баумъ пустилъ бумажную стрѣлу и она, плавно пролетѣвъ по воздуху, ударила въ високъ Никифорова. Сорота готова. Два раза въ классъ заглядываетъ дежурный воспитатель, Сергѣй Васильевичъ Консфелъ.

— Господа. Потіше. Мѣшаете заниматься.

Прошло пять... потомъ десять минутъ...

У тѣхъ, кто стоялъ на очереди вызова свѣтлѣли лица. Книги закрывались. Усталые глаза отрывались отъ знакомыхъ знакомыхъ страницъ. Таблица хронологіи открылась.

Еще Михачевъ послѣдній разъ напомнилъ мнѣ:

— Если что... По ручному телеграфу... Тысячи не надо. Первые пальцы столѣтій, второй разъ десятки и третій единицы. Только быстро... Я разберу... Меня сегодня... навѣрно.

И тяжело вздохнулъ.

По залу мягкой звонъ прибывшихъ къ каблукамъ маленькихъ сапогъ шпоръ... Ротный командиръ... Кольдевинъ...

Онъ вошелъ спокойно и увѣренно въ затихшій и вытннувшійся у своихъ мѣстъ классъ. Онъ выслушалъ внимательно рапортъ и положила къ полированному столу.

— Садитесь, господа.

Сь легким шорохом двадцать три мальчика ушли сь парты. Вь полную тишину доносится вь открытую дверь барабанный обглый бой и шарканье носков по асфальту. Изь соседняго класса слышно, какъ, соевъсь запустившись, тотъ-же звонкий голось что-то отрывочно выкрикиваетъ... Вьрная единица...

У Николая Федоровича Кольдевина сѣдьющая черная борода небольшой лопатой, рѣдьющие волосы сь небольшой «кокомомъ» надъ вискомъ «на прообразъ», носъ картошкой и загорѣлое лицо. Голось сь приятной хрипотцей. Онъ вь длинополомъ сюртукѣ и, какъ всегда, при шапкѣ. На груди, вь петлицѣ Владимиръ сь мечами.

Этотъ Владимиръ сь мечами — его обьяние надъ нами. Его слава. Онъ лейбъ-егеръ, участникъ Русско-Турецкой войны. Сражался подъ Горнымъ Дубнякомъ....

— Михаила Александровича Андреевна не будетъ. Онъ нездоровъ, — говоритъ Кольдевинъ. — Сидите мирно. Занимайтесь своимъ дѣломъ.

Все такъ просто, вѣрно и естественно, но у него, вь его мягкой хрипотѣ, сь его Владимиромъ это выходитъ значительно и нужно.

Романчикъ тихо прячетъ разобранную флейту вь мягкой футляръ. Гладковъ и Ленъ — перестаютъ ставить кресты и ноли. Лорбергъ давно запряталъ вь самую глубину ранца свой романъ. Вь классѣ стынеть тишина.

Всѣ ждуть... хотять... и не смѣютъ.

Термень — оны самый смѣлый вь этихъ дѣлахъ — встаетъ и, занякаясь и бурья отъ краски, говоритъ:

— Господинъ полковникъ... Расскажите намъ... о войнѣ... о Русскомъ солдатѣ...

У Кольевина усталое лицо и усталые сѣрые молодые глаза. Онъ смотритъ молча, на насъ. Не отвѣчаетъ Термену и тотъ садится за парту сь виноватымъ видомъ.

Чуть звякнула на ногѣ шпора подъ столомъ. Дежурный прокрался на носкахъ къ двери и притворилъ ее не слышно. Глухо доносится барабанный бой. Не слышно голосовъ у сосѣдей.

Приятный сь хрипотцей голось начинать медленно сначала несвязно рассказы о еще недавнемъ прошломъ. Еще десяти лѣтъ не прошло. Трудно передать все то, что намъ вь такие часы рассказывалъ нашъ ротный командиръ Кольдевинъ. Мы читали уже Гаршина «Четыре дня» и «Записки рядового Иванова», мы зачитывались «Войною и Миромъ», читали Немировича-Данченко и Каразина. Мы уже знали Русскаго солдата по Платону Каратаеву и восхищались Русскимъ офицеромъ Николаемъ Ростовымъ, Васькой Денисовымъ и холоднымъ партизаномъ Долоховымъ. У каждаго были свои герои, каждый мечталъ кому нибудь изъ нихъ подражать. Уже были среди насъ Печорины.

Вь эти часы пустыхъ уроковъ, когда не было преподавателя — мы видѣли нѣчто такое близкое, точно мы сами тамъ были, гдѣ попались гранаты и на бѣломъ конѣ скакалъ нашъ кумиръ Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ.

Точно постепенно раздигались стѣны класса, солнце оставалось, но уже свѣтло оно не сь блѣднаго неба, надъ Итальянской улицей, а сь глубокаго голубого неба, надъ лило скучные осенние лучи на тонкую потогпанную траву, на грязь дорогъ, на явнкая тѣла орудій и зеленые лафеты.

Мы видѣли, какъ строились лейбъ-егеря. Мы видѣли ихъ рыжеватые телячьей кожи ранцы сь укрупненными шинелями, сь манерками сзади и точно слышали ихъ запахъ махорки, кожи вь легтя — запахъ Русскаго солдата.

Мы видѣли какъ нагнулись они и пошли туда, гдѣ разлись чернымъ дымомъ, вьлетая къ небу, гранаты, какъ бѣгомъ разсыпались вь цѣли и залегли.

Мы видѣли денщика Павлушку, вь потертомъ заляпанномъ глинистою грязью мундирѣ; какъ сь кожаной папиросницей и флажой сь водоею онъ шель разыскивать своего ротнаго командира, потому что онъ знаетъ, что «его высокоблагородіе смерть, какъ курить хотеть и какъ же ему тамъ, вь самомъ то пеклѣ безъ курева».

И онъ шель мимо залегшихъ вь узкой балкѣ сь оплывшими краями резервовъ, гдѣ чуть блистало золотымъ орломъ знамя и гдѣ свистали и чмокали пули и откуда ему кричали, чтобы онъ не шель дальше.

— Не ходи, дурной... Убѣеть вѣдь...

А онъ шель какой-то раскорякой и отвѣчалъ, отмахиваясь отъ пуль, какъ отъ пчелъ: —

— Меня не тронетъ. Я вѣдь не для боя... Я папиросы его высокоблагородія... Имъ, поди, курить теперь самая охота, а они безъ папиросъ... Нельзя такъ. Это мой долгъ ему теперь услужить... И мы всѣ, затаивъ дыханіе, своими дѣтскими душами несли за нимъ, за шальымъ, ослѣплымъ, но такимъ несказанно милымъ и дорогимъ лейбъ-егеремъ Павлушкой.

Онъ уже видѣлъ многихъ мертвецовъ, онъ встрѣтилъ раненныхъ, и не смутился. Шель просто, — «меня не тронетъ... я вѣдь не для боя...»

Захватывать рассказы.

Вь наскоро сдѣланномъ окопѣ, подъ самымъ туркой — вонъ ихъ фески малиновыя видать. — Павлушка нашель своего смертельно раненаго ротнаго.

— Павлуша... сь папиросами... вотъ спасибо, дорогой... Передъ смертью... Одну выкурить.

— Зачѣмъ, выше высокоблагородіе... Зачѣмъ помирать... Мы васъ вынесемъ...

И мы слушали, какъ Павлушка сь горнистомъ несли подъ пулями своего умиряющаго ротнаго. — Павлушку ранило вь плечо.

— Ничего... Только бы донести... Это пройдетъ. Ротнаго бы спасти.

Еще одна пуляхватила подъ сердце... Но близокъ быть перевязочный пунктъ, гдѣ рядомъ леги, чтобы и вь братской могилѣ рядомъ лечь и ротный и его вѣрный денщикъ Павлушка...

Барабанныя дробь вь дверяхъ сборнаго зала, трескъ распаиваемыхъ дверей, фукъ винтовка, что ставель седьюю классъ вь пирамиды — оторвали насъ отъ рассказовъ Кольдевина.

Вь эти «пустые» часы незамѣтно и глубоко накладывалъ вь наши сердца нашъ старый ротный командиръ ту чистую, жертвенную любовь къ солдату, что пронесли мы черезъ всю жизнь, многие черезъ три войны, черезъ много испытаний и искушений отъ самой революции.

Рассказы Кольдевина были объ арміи, на чьихъ знаменахъ многовокового словою горѣли слова «за Вѣру, Царя и Отечество». Онъ говорилъ намъ о людяхъ, кто «вѣру и вѣрность» почиталъ выше жизни. Онъ рассказывалъ намъ о великой Россіи и ея побѣдоносной арміи. И всѣ мы, двадцать три его слушателя, запомнили ихъ и несли, какъ ивѣки свѣточъ черезъ всю жизнь. Многие уже унесли и вь могилу.

Донесемъ и мы, оставшіеся, да могилы, какъ нетлѣнную святыню чести, долга и доблести.

„Гнѣздо Петрово“

...И слышимъ голосъ мы: «Полтавскіе кадеты»,
Я среди васъ, въ васъ сердце и душа моя,
Такъ будьте-жъ пламенно согрѣты
Любовью къ роди́нѣ, какъ я!...

Н. А. Сви́дскій.

(Изъ стихотворенія, произнесеннаго на Полтавскомъ обѣдѣ въ С.-Петербургѣ въ Собраніи Арміи и Флота, 5 декабря 1907 года).

Въ воскресенье, 22 декабря 1928 года, такъ какъ годовщина основанія родного Корпуса выпала въ среду 19 декабря (6 декабря ст. ст.) Объединеніемъ Полтавскихъ Кадетъ было отслужено молебствіе въ Русской церкви на рю Дарю, по окончаніи Литургіи, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти Императору Петру Великому, Императорамъ Николаю I, Александру II, Александру III и Николаю II и всѣмъ бывшимъ Кадетамъ Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго Корпуса на полѣ брани животъ свой положившимъ и въ смутѣ убивеннымъ. Молебенъ служили Протоіерей Сахаровъ въ сослуженіи съ послѣднимъ законоучителемъ Корпуса Протоіереемъ Четвериковымъ. Пѣлъ митрополитичъ хоръ подъ управленіемъ Афонскаго.

По окончаніи молебна, по установившейся традиціи семья Полтавскихъ Кадетъ собралась на годичное Общее Собраніе въ «Средегн Central» — 2, rue de Châteaudun по окончаніи котораго такъ же состоялся товарищескій обѣдъ. Открывая Общее Собраніе Предсѣдатель Объединенія Н. М. Писюль напомнилъ о понесенной въ истекшемъ году тяжелой утратѣ послѣдней русской Императрицы Маріи Феодоровны и подѣлился съ Собраніемъ своими личными впечатлѣніями о встрѣчахъ съ ней и ея жизни въ Кіевѣ, какъ во время мировой войны, такъ и послѣ отреченія Императора Николая II. Собраніе въ молчаливомъ и благоговѣнномъ молчаніи, стоя, почтило память въ Божѣ почившей Императрицы. По единогласному постановленію Общаго Собранія избранъ Почетнымъ Членомъ Объединенія одинъ изъ старѣйшихъ Кадетъ Корпуса Генераль-Лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, выпуска 1875 года.

Затѣмъ въ Ревизионную Комиссію избраны: В. Г. Гавриловъ, В. Г. Лисенко и М. Ф. Делашевъ. Секретаремъ Объединенія Р. К. Павловскій, Помощникомъ Секретаря А. Ф. Фокинъ и Казначеемъ — В. Станиславскій.

Члены Правленія согласно Уставу Объединенія комплектуются изъ старшихъ по выпуску изъ Корпуса и проживающихъ въ Парижѣ.

Усердіемъ бывшаго Секретаря Объединенія С. Кохановскаго и молодежи залъ былъ красиво декорированъ знаками, погонами, лентами и проч. съ портретомъ патрона Корпуса Императора Петра Великаго на главномъ планѣ.

Среди собравшихся, въ первый разъ присутствовали Генераль-Лейтенантъ Римскій-Корсаковъ и послѣдній законоучитель Корпуса о. Протоіерей Четвериковъ.

Было произнесено много рѣчей, посвященныхъ родному Корпусу, изъ которыхъ особенное вниманіе при-

влекли: рѣчь генерала Римскаго-Корсакова и трогательное слово о. Четверикова о взаимномъ единеніи, получившаго, какъ извѣстно всѣмъ интересующимся духовной жизнью эмиграціи, вполне заслуженную имъ оцѣнку и на чужбинѣ, что особенно радостно всѣмъ Полтавскимъ Кадетамъ.

Присяжнымъ поэтомъ Полтавскихъ обѣдовъ, почти непрерывнымъ участникомъ таковыхъ на протяженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, Н. А. Сви́дскимъ былъ сказанъ стихотворный экспромтъ:

«Мы на чужбинѣ воть ужъ слинокъ десять лѣтъ
Въ борьбѣ за кровъ и за кусокъ насущный хлѣба
Искосивъ всѣ страны, чуть не цѣлый свѣтъ,
Но до сихъ поръ не увидѣвъ родного неба...»

Изгнанье тяжело и душень чуждый кровъ
Россія-жъ, наша мать, столь милая, родная
Уходитъ въ даль, какъ будто сказка дѣтскихъ сновъ
Въ туманѣ сѣрыхъ дней, какъ призракъ исчезая.

Какъ закрѣпить въ себѣ лицо страны родной
И уберечь ее отъ мертваго забвенія?!
Любовью къ ней и вѣрою въ нее живой,
Союзомъ крѣпкимъ дружбы, братскаго общенія.

Мы собрались сюда во имя славное Петра,
Свидѣтели живые прошлой Русской славы,
Закату коей не пришла еще пора, —
Вулканъ почти потухъ, но слышенъ рокотъ лавы...»

Намъ нужно сохранить въ себѣ до лучшихъ дней
И русскій духъ и нашу русскую культуру,
Не растворявъ въ потокъ призрачныхъ огней
Столь самоцвѣтную славянскую натуру...»

Сольемся-жъ дружно здѣсь подъ знаменемъ Петра,
Кадеты старые родной для насъ Полтавы
И пусть прѣвѣстникомъ грядущей русской славы
Летитъ изъ этихъ стѣнъ могуче У-р-р-а-а!!!

Передъ началомъ обѣда и по его окончаніи всѣми присутствовавшими были прочтены молитвы: «Очи всѣхъ на Тя, Господи уповаютъ»... «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ»...

Обѣдъ, прошелъ очень оживленно въ тѣсно сплоченной дружеской семьѣ, въ задушевной бесѣдѣ и воспоминаніяхъ дорогаго прошлаго. Не были забыты и старья кадетскія пѣсни и популярныя пѣсни Малороссіи.

Конечно, настоящій обѣдъ не отличался ни роскошью, ни даже торжественностью прежнихъ Полтавскихъ обѣдовъ въ Собраніи Арміи и Флота въ С.-Петербургѣ и затѣмъ Петроградѣ, но онъ былъ обѣдъ тѣмъ же неизмѣннымъ кадетскимъ духомъ стараго, добраго времени, тою же нежизнитою любовью къ родному гнѣзду и къ милой роди́нѣ, несмотря на тяжелыя переживанія и долгіе годы скитанія, какъ каждаго въ отдѣльности, такъ и всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ участниковъ этого обѣда.

Въ Редацію журнала „Кадетъ“

Въ газетахъ «Возрожденіе» (№ 1284) и «Послѣднія Новости» (№ 2816) было помѣщено объявленіе о празднованіи 217 годовщины основанія корпусовъ*) («Возрожденіе») и «по случаю 217 годовщины основанія старѣйшаго въ Россіи 2-го Кадетскаго...» (**). Прошу не отказать въ любезности на страницахъ журнала дать мѣсто слѣдующей исторической справкѣ.

При Императорѣ Петрѣ Великомъ действительно явилась мысль, которая принадлежитъ графу Ягужинскому, создать въ Россіи военно-учебное заведеніе по образцу Кадетскихъ Корпусовъ въ Берлинѣ и Копенгагенѣ, такъ какъ при созданіи регулярной Арміи нужно было разрѣшить вопросъ о соотвѣственно подготовленныхъ офицерахъ изъ русскихъ. По неизвестнымъ обстоятельствамъ въ царствованіи Петра прозекъ этотъ даже не былъ еще оформленъ и были созданы лишь два военно-учебныхъ заведенія: «Школа Навигацкихъ наукъ» въ С.-Петербургѣ и «Инженерная математическая школа». Школы эти служили для подготовки специалистовъ изъ нижнихъ чиновъ и ничего общаго съ кадетскимъ корпусомъ, военно-учебнымъ заведеніемъ, подготовляющимъ офицерскій составъ для арміи, не имѣли. Офицерскій составъ, по старому, пополнялся дворянами и общеобразовательной домашней подготовкой.

Въ царствованіе Императрицы Анны Иоанновны, по прозку фельдмаршала Миниха, въ 1731 году въ С.-Петербургѣ было открыто первое военно-учебное заведеніе въ Россіи для подготовки офицеровъ Арміи и Флота: — «Корпусъ кадетъ». 17 февраля 1732 года начались занятія («Рыцарская Академія») въ корпусѣ. Въ семьсотъ со-

роковыхъ годахъ***) изъ школы навигацкихъ наукъ былъ основанъ «Морской кадетскій корпусъ», съ переводомъ туда кадетъ морского отдѣла «Корпуса кадетъ», этотъ послѣдній получилъ наименованіе «сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ». Въ 1762 году былъ основанъ 2-й въ Россіи сухопутный кадетскій корпусъ — «Артиллерійскій и Инженерный шляхетскій корпусъ» изъ инженерной и математической школы. Сухопутный же шляхетскій кадетскій корпусъ (бывшій корпусъ кадетъ), сталъ именоваться «Императорскимъ Сухопутнымъ Шляхетскимъ кадетскимъ корпусомъ».

1 марта 1801 года Императорскій Сухопутный Шляхетскій кадетскій корпусъ переименованъ въ «1-й Кадетскій Корпусъ», и Артиллерійскій и Инженерный Шляхетскій корпусъ во 2-й Кадетскій Корпусъ, коему въ 1911 году въ 200-лѣтній юбилей основанія «Инженерной и Математической школы» было заравно наименованіе «2-го Императорскаго Петра Великаго Кадетскаго Корпуса». Другой сухопутный кадетскій корпусъ, основанный въ 1732 году и послѣ возвращенія ему, въ 1907 году, историческаго шефства Царствующаго Императора, остался съ наименованіемъ просто: «Первымъ» (какъ принято прописью), какъ первый въ Россіи****).

Итакъ первое старѣйшее военно-учебное заведеніе для подготовки офицеровъ (кадетскій корпусъ) въ Россіи уже существовало 30 лѣтъ до открытія третьяго такого же учебнаго заведенія, нынѣ 2-го Императора Петра Великаго кадетскаго корпуса.

Уважающій Васъ покорный слуга

Н. Дмитриевъ.

***) 1754 г. (данныя Рус. воен. календ. - памятки на 1929 г.).

****) Изъ исторіи 175 лѣтн. юбилея Перваго Кад. Корпуса.

*) Подчеркнуто мной.

***) Подчеркнуто мной.

ВОШЛИ ВЪ СОЮЗЪ:

2-й Кадетскій Корпусъ — Андреевъ, 18, рю Ожеро, Парижъ 7.
Кіевскій Владимірскій — Бредовъ, 87, авеню Эмиль Зола, Парижъ 15.

Тифлискій — Осповъ, 4, рю Бартранъ, Парижъ 7.
Сибирскій — Рельевъ, 81, рю Мадемуазель, Парижъ 15.
и Отдѣлъ въ гор. Каннъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ ДѢЛѢ

Открыто отдѣленіе граммофонныхъ пластинокъ, посвященныхъ русской музыкѣ:

Предлагаемые диски изготовлены лучшими фирмами и представляютъ образцы русской музыки въ выдающемся исполненіи (хоры Донскихъ, Уральскихъ и Кубанскихъ казаковъ, Агрена-Славянскаго, Летучей Мыши — Баліева, Шляпинъ, оркестръ, рояль, скрипка, Цѣлыя пластинки — отъ 16 до 55 фр. 25 пластинокъ стоимостью по 18 фр. — балладеинга оркестра А. Скрибина.

Показательныя исполненія по вторникамъ и субботамъ
отъ 5 до 6 час. дня.

КАДЕТЬ

ПЕРИОДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ВЫХОДЯЩІЙ
ВЪ ПАРИЖѢ

ТАРИФЪ	ОБЪЯВЛЕНІЯ:	
1 страница	300 фр.
1/2 »	150 фр.
1/4 »	75 фр.
1/8 »	40 фр.
1/12 »	30 фр.
1/16 »	20 фр.
1/32 »	10 фр.

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Объединеній и Отдѣлахъ, Союза Рос. Кад. Корпусовъ, какъ во Франціи, такъ и заграничей.

Желающимъ имѣть отвѣтъ письмомъ, просьба прилагать почтовую марки на пересылку.

Подписавшіеся на журналъ „Кадетъ“ уплачиваютъ 3 фр.